

ПЛЯЖ

Руслан Слепцов

16+

Руслан Слепцов

Пляж

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Слепцов Р.

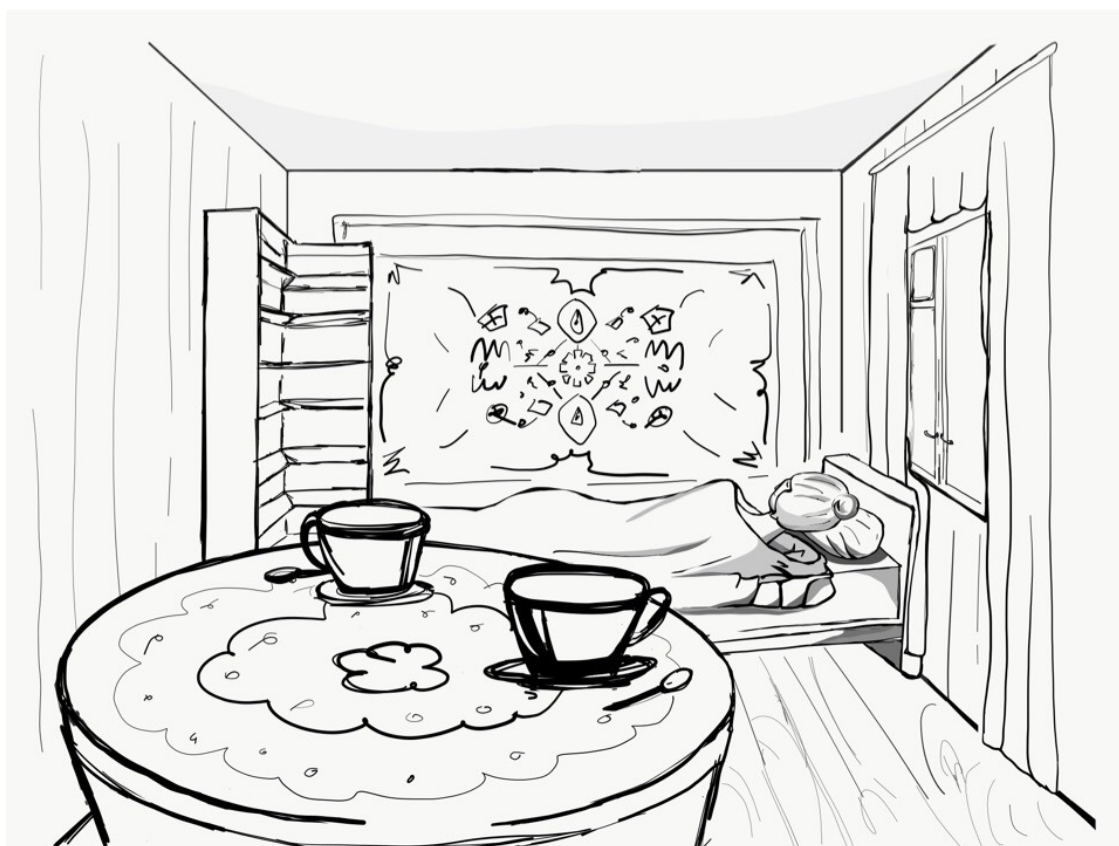
Пляж / Р. Слепцов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В ночном свете Стефан неожиданно сквозь туман увидел, как за её спиной, словно мачты, разворачиваются гигантские перепончатые крылья. Это наваждение настолько поразило его, что он не заметил очередного превращения Агаты. Она обмякла в его руках, медленно сползая вниз. Крылья схлопнулись, она закрыла глаза и, кажется, заснула...

Содержание

Дом, в котором родился Руслан	5
Глава 1. Осень	6
Глава 2. Зима	7
Глава 3. Осень	9
Лед	11
Трамвай	15
Борисоглеб	19
Глава 1. Вход в монастырь	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дом, в котором родился Руслан

Глава 1. Осень

Дом, в котором родился Руслан, уже сам по себе был местной достопримечательностью. Прямо напротив него стояла тюрьма, слева в двух шагах располагалась психиатрическая лечебница, справа – туберкулезная клиника.

Да и сам дом находился на отшибе, фасадом своим выходя на набережную. Со стороны огромная сталинская высотка напоминала неприступную крепость.

Когда-то во двор дома заезжали на трофейном «Виллисе», кто-то широко раскрывал дверь автомобиля, выпуская дым из зажатой во рту папиросы и оправляя дорожную шерстяную шинель с погонами.

Но в детстве Руслана здесь жили простые, заурядные люди, чьи мелкие радости и заботы никак не вязались с видом этого общественного замка зла.

Потом к тому же выяснилось, что дом находился чуть ли не в самом опасном районе города. Но Руслан этого не замечал. Каждый день школьный рюкзак, который был почти в два раза больше самого Руслана, лавировал из дома в школу и обратно. Местные, привыкнув, мальчика не трогали.

По-настоящему опасной казалась лишь дальняя часть двора, где находилось что-то вроде кладбища для домашних животных. Небольшой участок земли, огороженный просевшей изгородью, где жители дома, по неизвестно откуда взявшейся традиции, хоронили своих питомцев.

Руслан помнил, что там всегда росло огромное количество грибов. Их никогда не собирали, и дошло до того, что они сплошным ковром устилали землю.

В их зарослях Руслан однажды увидел небольших размеров тюленя. Его серая с пятнами тушка лежала на боку прямо на земле.

Впоследствии Руслан готов был поклясться, что так оно всё и было, но родители ему не поверили.

Жили они в просторной двухкомнатной квартире с высокими потолками на самом верхнем этаже. А напротив них жила старая вдова Лариса Фёдоровна. Она часто приглядывала за Русланом, когда его родители куда-нибудь уезжали. Говорили, что её муж был белогвардейским офицером и поэтом и был убит на войне.

Руслан навсегда запомнил их первую встречу.

Седая, очень худая старушка с правильными чертами лица, задыхающийся от старости пёс по кличке Том, неотрывно следующий за ней по пятам.

Книги, наваленные повсюду и набившие стеллажи до потолка. Совершенно поразивший Руслана стол в центре комнаты со старинными канделябрами, где, должно быть, собирались за беседой друзья её мужа.

Первые её слова, врезавшиеся в память: «Не хотите ли кофе?»

У вас кто-нибудь спрашивал, хотите ли вы кофе, когда вам было девять лет?

Руслан любил бывать у Ларисы Фёдоровны. Её бедная квартирка была для мальчика дверью в особый мир, частью которого он когда-то мечтал стать, но так никогда и не стал.

Вскоре его родители покинули давно уже ставшую безжизненной крепость и стали жить по соседству с магазинами и шумными общепитами. А Лариса Фёдоровна осталась, где была. В доме, в котором родился Руслан.

Глава 2. Зима

Район изменился до неузнаваемости. На место старых полуразрушенных домов, которые строили еще пленные немцы, встали высокие белые башни.

Психушку снесли. Теперь здесь стоял трёхэтажный гипермаркет с подземной парковкой.

Но Руслан шёл к дому с другой стороны. Ломая трескучие сухие ветки, он продирался через заросший лесок на территории туберкулезной клиники. Чем ближе Руслан подходил к своему старому дому, тем отчётливее ему становилось страшно. Он не был здесь без малого тридцать лет и до конца не мог объяснить себе, почему решил вернуться. Для подведения каких-либо итогов было ещё рановато, а любопытством или тягой к сильным ощущениям он не отличался.

Это вообще был самый странный поступок в его жизни. Он никого не ждал там увидеть и не шёл к кому-то в гости. Однако упрямо продвигался вперёд, пока не увидел издали свой старый дом.

Время его не тронуло. Он стоял, такой же величественный и безжизненный, с двором, единственным в этом районе, который и не собирались облагораживать.

Странное чувство, в голове крутилась какая-то дикая мысль...

Перед ним был заповедный край его детства, который он, кажется, только что осквернил. Место, в которое стоило возвращаться лишь воспоминаниями, он теперь топтал ногами.

Руслана не оставляло впечатление, что он перенёсся даже не в прошлую, а в позапрошлую свою жизнь.

Дом, двор, всё вокруг было обижено. Руслан это ясно ощущал. Когда-то он оставил здесь часть себя, которая не имела ничего общего ни с чем в его нынешней жизни. И даже не попрощался. Не обратил внимания.

Тем временем какая-то неведомая сила влекла Руслана дальше. Он поднялся по ступенькам во двор. Идти по асфальту было легче. Каждый шаг по сырой земле был физически неприятен.

На кладбище для домашних животных в густых зарослях грибов что-то темнело. И тогда Руслан в первый раз в своей жизни отчётливо увидел того самого тюленя, в существование которого не поверили его родители, а со временем перестал верить и он сам. Тюлень всё так же лежал, греясь на солнышке и завалившись чуть набок. Руслан даже успел взглянуть в его пустые глаза, когда увидел, что к подъезду подходит пожилая женщина с маленькой девочкой.

Повинуясь мгновенному порыву, он бросился за ними и успел зайти внутрь до того, как дверь захлопнулась. Не давая себе опомниться, он зашел в старинный, ещё с механической дверью, лифт и стал подниматься на самый верхний этаж. Уже подплывая в невесомости к своей старой квартире, Руслан услышал лай собаки.

«Не может быть!» – подумал он, покрываясь холодным потом. Сердце его готово было выскочить из груди, а Лариса Фёдоровна уже встречала его на пороге своей квартиры, жестом приглашая войти и держа задыхающегося от лая Тома.

Руслан прошёл захламленные тёмные коридоры и уже сидел за круглым столом в центре комнаты, когда она тихо произнесла:

– Я ждала вас.

Руслан продолжал молчать, уставившись на чашку кофе, которая как будто из воздуха выросла перед ним.

– Позвольте мне объясниться, – Лариса Фёдоровна присела на краешек стула, – может быть, мои слова покажутся вам путанными, непонятными.

Она продолжала говорить свистящим шёпотом, не давая Руслану опомниться.

– Мне так много надо вам сказать, так долго я вас ждала. Я начну с самого начала, чтобы вам было понятнее. Вы подливайте кофе, прошу вас...

С громким вздохом она откинулась на спинку стула.

– За время, отведённое нам, мы проживаем не одну, а множество жизней. И часто даже не замечаем, как они сменяют друг друга. Какой-то эпизод может длиться секунду, и только сам человек может понять, что он уже на другой странице. Вы, наверняка, чувствовали иногда, что живёте, будто во сне, не так ли? Это происходит, когда вы задерживаетесь в прошлой жизни. Вы становитесь похожи на бездарного актёра, который безбожно переигрывает, затягивает сцену. Но написанного, конечно, не сотрёшь, поэтому после каждой своей жизни человек оставляет следы.

Лариса Фёдоровна подалась вперед, пытаясь заглянуть Руслану в глаза. Он, словно не владея собой, еле заметно кивнул.

– Покидая то или иное место, человек забывает о нём, но оно не забывает его. Вы, Руслан, продолжаете здесь жить, вы здесь не умерли. Вернее, умерли, но не до конца. Вы успели наследить. Все всегда следят – улыбнулась она.

– Но кто вы? – наконец поднял глаза Руслан, боясь посмотреть ей в лицо.

– Я ваш вытоптаный след на этом этаже, вытертая добела кнопка звонка, голос матери, доносящийся с кухни, молодой папа, бреющий утром, украденная сигарета, изголовье кровати, отражающееся в зеркале в родительской спальне. Я запах вашей квартиры, который, готова поспорить, вы больше нигде не слышали.

Лариса Фёдоровна тихо рассмеялась.

– Вы никогда не замечали, что у каждого дома, у каждой семьи свой запах? Когда вы слышите его в другом доме, вам он кажется родным, а люди, живущие в нём, вам приятны. Но это обман, просто похожий запах.

Лариса Фёдоровна нежно взяла Руслана за руку и сказала:

– Вы должны быть довольны. Вы пришли сюда не зря, хотя и думали, что едете без всякой причины.

Небывалое ощущение покоя будто завернуло Руслана в воздушное одеяло, и он смог наконец говорить:

– Теперь я понимаю. Всё это странно, но я начинаю понимать. Что-то подобное было со мной в университете. Проходя мимо него, я чувствовал, что нахожусь здесь осмысленно, что я могу вот так просто зайти сюда, и на то будет причина. А потом, когда я закончил, я так и не смог вернуться туда, хотя бы зайти внутрь. Нет, были, конечно же, люди. Оставались преподаватели, знакомые. Но жизни в этом уже не было. Да, наверное, всё дело в осмысленности. Я просто перевернул страницу и пошёл дальше.

– Уверяю вас, вы успели наследить и там, – с улыбкой сказала Лариса Фёдоровна, – не хотите еще кофе?

Глава 3. Осень

Старик пробирался к кладбищу под пронизывающим ветром. Его бледная фигура излучала слабое сияние среди сгорбленных осенних деревьев. Он медленно шёл через пустынный двор, кутаясь в пальто. За осевшей к земле калиткой – заброшенное кладбище домашних животных, куда уже много лет никто не наведывался и давно никого не хоронил. Грибов со временем стало ещё больше, они обвивали и запутывали друг друга. Но в зарослях на невысоком холме, как и в прошлый раз, никого не было. Тюлень, проживший здесь много лет, исчез так же внезапно, как и появился.

Раздосадованный, старик понуро поплёлся к подъезду. За эти годы он много раз бывал у Ларисы Фёдоровны, а в эту холодную осень визиты к ней стали настоящей отдушиной в его нелёгкой жизни.

Лариса Фёдоровна как всегда встретила его на пороге. И Руслан еле сдержал крик, когда увидел, как она постарела.

Он привык к тому, что время над ней не властно, как и над домом, в котором она прожила все эти годы. Поэтому сейчас не мог не поразиться необратимым переменам, произошедшим с её внешностью. Перед Русланом стояла сгорбленная старуха с лицом-маской и руками, похожими на сухие ветки деревьев. Что могло произойти за неделю, прошедшую с их прошлой встречи?

– Явился всё-таки, – ворчливо произнесла Лариса Фёдоровна, – иди за мной. Мне стоять тяжело.

Она повела его в крохотную спальню, в которой кроме скрипучей кушетки, стояла лишь небольшая полка с книгами.

Кряхтя и вздыхая, Лариса Фёдоровна забралась на кровать, а Руслан так и остался стоять посередине комнаты, не находя себе места.

– Зря ты пришел, – Лариса Фёдоровна перевернулась на бок, – от твоих приходов никакого толка.

Руслан не мог поверить своим ушам. Лариса Фёдоровна никогда не называла его на «ты» и не разговаривала с ним в подобном тоне.

– Всё рушится, – неожиданно горестно сказала она, – твой жизненный круг пройден. И вместе с тобой уходим и мы.

– Следы остывают, – добавила она, – ничего не поделаешь.

– Мне некуда больше идти, – признался старик, – у меня ничего не осталось. Вот я и возвращаюсь туда, откуда всё началось.

Руслан присел на край кровати, с немой мольбой уставившись на Ларису Фёдоровну.

– Не гоните меня, прошу вас. Я давно понял, что люди делятся на тех, кто живёт прошлым, настоящим и будущим. Так вот, я живу прошлым. Хуже того, я ищу прошлое в настоящем, раскапываю время, как землю, лопатой, слой за слоем...

Лариса Фёдоровна отвернулась к стенке и, кажется, не слушала его, но старик упрямо продолжал.

– Знаете, бывало, я знакомился с людьми и тут же понимал, что они относятся к моему прошлому, родом из моего прошлого. Они становились мне ближе самых близких друзей. Помню, я сидел в кафе с одной девушкой. Она напротив меня, только руку протяни, но, на самом деле, нас разделяли годы. Я потерял её давно, очень давно. Она осталась в одной из моих прошлых жизней, и я на короткое время вновь её находил, возвращался туда, куда забыл дорогу. Хотя для неё – милое создание – всё и впрямь происходило в этом конкретном кафе, а слова произносились в эту конкретную минуту.

– Прекрати! – грубо прервала его Лариса Фёдоровна, – я устала слушать твои исповеди. Не хотела тебе говорить, но ты меня утомил. Ты проживаешь свою последнюю жизнь, а в ней смысла ещё меньше, чем в предыдущих. Так что не придавай значение тому, что его не имеет. Не ищи осмысленности в своих поступках и словах, её больше нет у тебя. А теперь оставь меня!

Лариса Фёдоровна демонстративно закрыла глаза и ещё ближе подвинулась к стенке.

У Руслана не было сил злиться. Он тихо поднялся и покинул старуху, продолжавшую шёпотом ворчать на кушетке.

В коридоре он переступил через растянувшегося на полу в неестественной позе Тома.

На улице ему стало легче. По-прежнему дул сильный ветер, а пальто ни капли не согревало.

Старик медленно вышел со двора на набережную. Впереди его ждала осень – последняя осень в его жизни.

Лед

На самых верхних уровнях ледяной библиотеки людей уже не попадалось. Он поднялся по гигантской деревянной лестнице всё выше и выше. Всё пространство вокруг него занимали бесконечно длинные книжные полки.

Он был простым плотником и в книжках смыслил немного, но сам вид миллионов взметнувшихся ввысь корешков внушал ему благоговейный трепет.

Книга, которую он искал, как назло находилась на самом верхнем этаже. Только в ней говорилось, кто он и почему должен отдать жизнь за принцессу.

Он не удержался и свернул направо, на один из маленьких изящных балкончиков, чтобы ещё раз оглядеться.

Несмотря на то, что он крепко держался за деревянные резные перила, от высоты кружилась голова. Невозмутимая, равнодушная упорядоченность библиотеки одновременно пугала и завораживала его.

Здесь было заметно холоднее, чем внизу, и плотницких дел мастер поёжился в одной лёгкой рубашке.

Массивная лестница, на которой спокойно разъехались бы два обоза, запряжённых лошадьми, резко перешла в крошечную винтовую лесенку.

Как только плотник ступил на неё, порывистый ветер чуть было не сбил его с ног, а холод сковал руки и ноги.

Каждое движение давалось с трудом, а наверху бушевала настоящая вьюга.

Чем выше он поднимался, тем холоднее становилось. На одном из этажей он увидел ледяную корку на книгах. В конце концов, вьюга прижала его к полу. Он сел, обхватив голову руками. Дальше идти было невозможно, и, горько вздохнув, плотник начал спускаться вниз.

Он не знал, почему был выбран принцессой, но до сей поры твёрдо следовал отведённой ему роли. Втайне перед зеркалом копировал манеры аристократов, заходивших в его мастерскую, искал рекомендованную ему книгу по всему городу.

Плотник видел принцессу только один раз в жизни, и то издалека и – боже упаси! – никогда с ней не разговаривал.

Однажды их пригласили во дворец (он помнил, что таких, как он было много) и сказали, что придёт день, и они должны будут отдать за неё жизнь.

Тем временем на улице послышалась стрельба и крики, и он вспомнил, что близится казнь.

В городе творилось форменное безобразие. Кто-то бежал, кто-то раздавал приказы; крестьяне, не скрываясь, мародёрствовали и насильничали. Среди мусора и грязи лежали застывшие в неестественных позах застреленные люди. Из-за поворота появилась небольшая группа вооружённых всадников. Возглавлял нестройный отряд седовласый офицер с пышными усами. Когда верховые поравнялись с плотником, они чинно отдали ему честь, а офицер, раскрасневшись от волнения, почти шёпотом проговорил:

– Ваше Величество, все только Вас и дожидаются. Без Вас велено не начинать.

Ах, да! Он вспомнил, что для всех сейчас он был принцем, отсюда и «Ваше Величество» – обращение для слуха простого ремесленника, прямо сказать, непривычное и, чего уж скрывать, приятное.

Плотник поспешил к городской площади. Перед ним расступались, кто-то даже кланялся. Принцем он был, конечно, не кровным, а названным, но людям до таких тонкостей далеко.

На площади прямо под ратушей установили эшафот, который со всех сторон облепила тьма тьмущая народа. Однако пользуясь своим нынешним положением, плотник подобрался почти к самому помосту. На возвышении уже стояла продрогшая на морозе связанная принцесса, а рядом – палач: руки в боки, в красном колпаке с помпонами.

От принцессы его отделяла лишь импровизированная деревянная лесенка, перед которой выстроились стражники в железных панцирях.

Чуть поодаль на эшафоте плотник заметил чинно беседовавших важных и толстых вельмож в кружевных смешных воротничках.

– Ваше Величество, не велите казнить! Такое бесчинство творится – жалко её. Мы люди подневольные, посмотреть страшно...

Это говорил ему на ухо, брызгая слюной, старый капитан гвардии с золотой серьгой в ухе.

Но плотник уже не мог оторвать глаз от принцессы. Такая маленькая, почти девочка, с постриженными волосами, она стояла под дождем – того и глядишь, растает. Принцессу била мелкая дрожь, она оглядывалась по сторонам в поисках защиты, с немой мольбой смотря людям в глаза.

Какая же она красивая – словно в бреду думал плотник. Как может что-то связывать его с эдакой красавицей? Чьи-то слова, чья-то злая шутка...

Однако он твёрдо знал, что она ждёт именно его и только его ищет взглядом в толпе. Она была его женой, хоть и названной, но плотнику до таких тонкостей далеко.

Он не выбирает, потому что уже любит её.

Плотник бросился к лестнице, и стража, заметив гнев в его глазах, не стала перегораживать путь. Он рванул колпак с головы палача и, взяв того за грудки, крикнул, что было мочи:

– Я приказываю её отпустить!

В тот же момент от группы вельмож отделился самый жирный из них, рябой, с огромным орлиным носом.

– Ваше Величество, мне очень жаль, но казнь остановить нельзя. При всём уважении и, так сказать, почтении... Приказ короля, а ему противиться никто не в праве.

– Неужели ничего нельзя сделать?

Плотник почти плакал и сам удивился своему детскому вопросу. Принц всего меньше часа – а, смотри-ка, уже появилась аристократическая глупость.

Главный вельможа покорно опустил глаза и сложил на груди пухлые ручки.

– Есть один способ – но это так... И говорить совестно, Ваше Величество. Древняя шалость, обычай варварский...

– Говорите! – вскричал плотник.

– Правило простое, Ваше Величество, и Вам о нём известно. Принцессу можно спасти, отдав за неё жизнь. Если вы займёте её место на эшафоте, она свободна!

Последние слова вельможа сказал торжественным тоном, обращаясь скорее не к плотнику, а к народу.

Толпа притихла, а на плотника из первых рядов с сочувствием смотрели другие фальшивые принцы (он узнал их), не смея сдвинуться с места.

Дальнейшее он помнил плохо. Он ещё раз посмотрел на принцессу, она задумчиво взглянула на него в ответ.

Всё уже решено, он любил эту неизвестную ему девочку, остальное было неважно.

Под гром аплодисментов он поднялся на плаху. В голове было пусто, и плотник решил, что, начиная с этой минуты, будет думать только о принцессе.

Перемену плотник почувствовал не сразу. Палач растроганно улыбался, смахивая слезу, принцесса отправилась в объятия вельмож.

Толпа ликовала, где-то вдалеке грянул салют.

Вельможи смеялись, надрывая животики, принцесса стояла, довольная, с интересом разглядывая плотника.

Жирный вельможа, пожалев растерянного мастерового, подошёл к нему вплотную.

– Вы блестяще исполнили свою роль, это успех (приступ смеха), Ваше Величество! Что же это за принцесса такая, ради которой никто не готов жизнь отдать? А теперь всё по форме, исполнено в лучшем виде. Да так красиво, на моей памяти такое впервые.

Плотник, смешно вылупив глаза, затравленно оглядывался по сторонам.

Неожиданно вельможа изменился в лице и, побагровев от ярости, крикнул:

– Убирайся вон!

И дважды хлопнул в ладоши.

Плотника схватили два дюжих стражника и повели вниз. Толпа вновь расступилась, но уже без всякого почтения.

Вырвавшись из цепких лап стражи, плотницких дел мастер засеменял к эшафоту.

– Вы должны меня казнить! Казните меня!

Новый всеобщий взрыв смеха заглушил его слова, а увесистый пинок под зад отбил желание кричать ещё раз.

Бедному плотнику разорвали рубашку, вывихнули обе руки, да к тому же напоследок кинули лицом в грязную зловонную лужу.

Принцы, может, к такому делу и непривыкшие, а плотник – ничего. Отряхнулся, подпоясался оторванным рукавом и пошёл дальше. Путь его лежал в ледяную библиотеку.

Бесконечный подъём и пробирающий до костей холод плотник на этот раз даже не заметил.

На самом верхнем этаже, несмотря на метель и ледяной туман, он сразу отыскал свою книгу. Она ничем не отличалась от сотен других, стоявших в один ряд на полке. Но он точно знал, что не мог ошибиться. Небольшой ветхий томик в красном залапанном переплёте, того и гляди, рассыплется в руках. Плотник бережно спрятал книгу под рубашкой.

В городе продолжались беспорядки. Прямо посередине улицы сооружали баррикады из мешков и пустых коробок. Таинственные люди в надвинутых на глаза капюшонах раздавали крестьянам оружие. Правда, многие из них были и так не с пустыми руками: кто с вилами, а кто и с топорами.

По улице проносились всадники и сверху обрушивали на головы удары дубинок. Где-то истошно визжала баба.

Покойников убирать никто не собирался, над ними кружили мухи и тоскливо выли собаки.

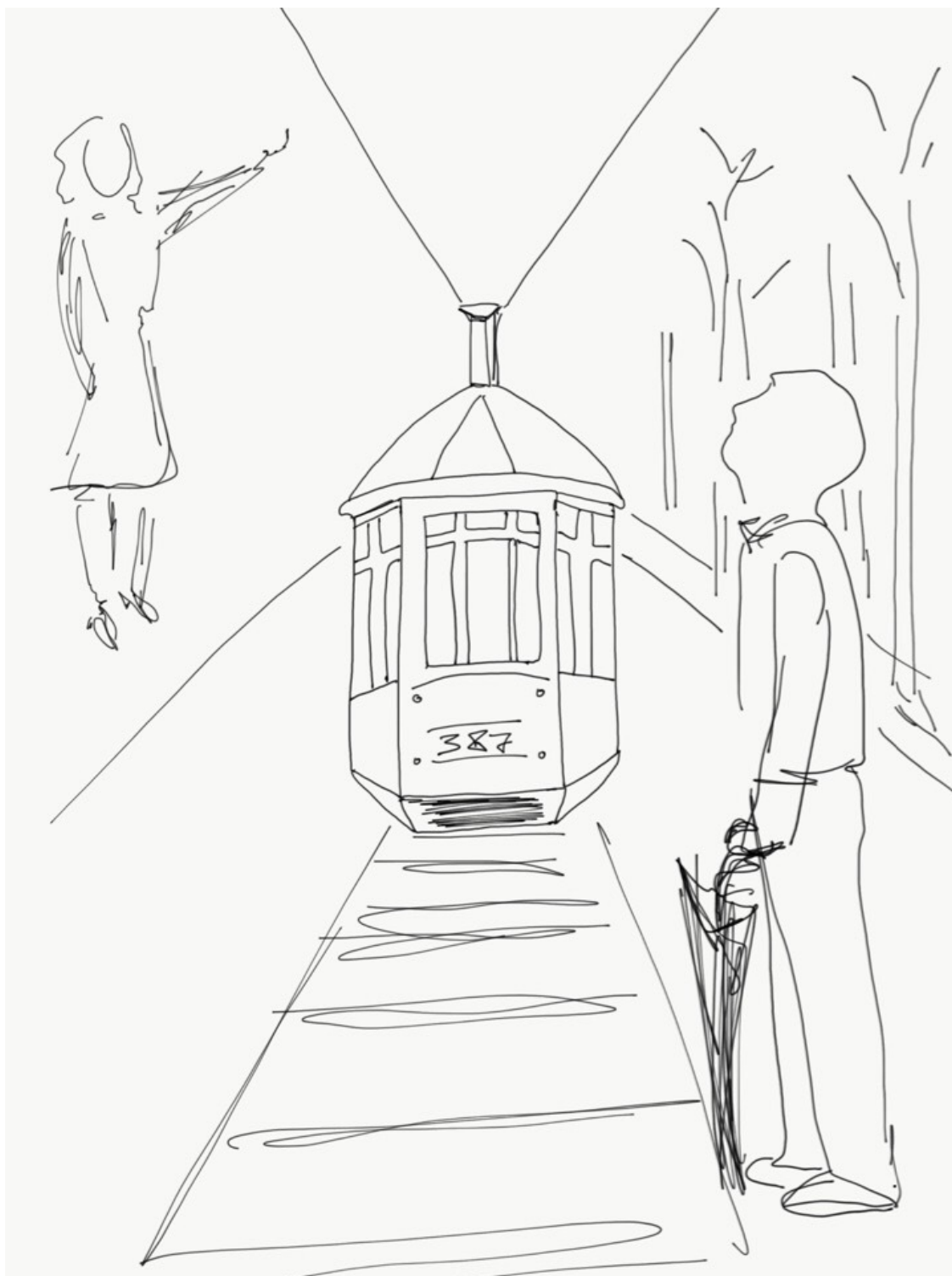
Солдаты прикатали на начало улицы несколько пушек и не спеша складывали возле них ядра.

Но плотник ничего этого не замечал. Все его беды были оттого, что он не прочитал книгу. В ней, он твёрдо это знал, он был настоящим принцем и принцессу спасал по-настоящему, а главное, во всём этом был, пусть и не понятный с первого взгляда, но глубокий и сокровенный замысел.

Вся эта история должна была начаться с книги, но, кажется, ещё есть время всё исправить.

Где-то совсем рядом разорвался снаряд. Плотник прислонился к стене и открыл первую страницу.

Трамвай

Гээль ждёт трамвая. Он стоит, укутавшись в тёплое пальто, вместе с другими тёмными расплывающимися фигурами, застывшими в ожидании под проливным дождём. Вот уже двадцать минут трамвая нет.

Ладно уж, Гаэль готов ждать, сколько потребуется. В его представлении трамвай – самый городской вид транспорта, не то, что сырая подземка или заплывшие в бензиновых облаках автобусы.

Трамвай идеально вписывается в городской пейзаж, как каменные церкви или уличные кафе.

Ну вот, как всегда: только закуриваешь, он выезжает из-за поворота.

Гаэль почему-то совсем не удивился, когда пригляделся и понял, что это *тот самый* трамвай. Наверное, потому что так просто он тоже не появляется.

Гаэль видел его во многих городах, но здесь – впервые. У этого трамвая нет номера, и он идёт через весь город, так что, где бы ты ни сел, доедешь, куда тебе нужно. В нём всегда есть свободные места, а сиденья – только для одного.

С улицы так приятно нырнуть в его тёплое нутро, рывком открыть старые скрипучие двери. Да-да, никакой автоматике, двери открываются и закрываются вручную.

Нигде не чувствуешь себя таким одиноким, как в трамвае. Автобус для этих целей совсем не годится. В нём есть пульсация жизни, суета, определённый ритм, а трамвай – это безразличный ко всему город. В нём, как в неосвещённом переулке, можно затеряться, почувствовать себя невидимкой.

Гаэль знает, что сегодня наступил предел...

Он так привык к своей тихой, безответной любви к Кристине, что уже не понимает, что победит на чаше весов: Кристина или это чувство.

Его любовь к ней кажется ему естественной, она настолько же принадлежит ему, как близорукость или астма. Он прячет её от всех и, кажется, при случае спрятал бы и от Кристины. Особенно от Кристины.

В последнее время даже мысли о ней вызывают у него болезненные ощущения, как приступ кашля. Остаются, конечно, воспоминания. Хотя что у него было из воспоминаний?

Они учились с Кристиной в одной школе, потом в художественной академии, куда он пошёл ради неё, хотя Жоана Миро из него не выйдет, это точно...

Тамборрада, им по семь лет. Гаэль в узком смешном мундирчике с вьющимися эполетами, Кристина в томной шляпке, в юбке до пола, её цветом с раннего детства был чёрный, такая взрослая не по годам.

Громкое детское шествие с музыкой и салютом, и тут она берёт его за руку. Ладонь тёплая, чуть влажная; косая, сбившаяся челка, глаза Кристины смотрят вперёд, но это неважно, потому что Гаэль уже на другой планете. Вся ответственность этого мира теперь на его плечах, он серьёзен и чувствует, что его жизнь уже никогда не будет прежней.

Потом была эта записка, где помадой в нижнем правом углу неряшливо была выведена буква К.

А однажды ночью Гаэль возвращался домой через парк с навязчивой идеей, что за ним следят. Кристина тогда перепугала его до смерти, но он не стал её разоблачать, хотя и был уверен, что это она. Что на неё нашло?

Потом, уже в художественной академии, они собрались на квартире у Тьерри. Кристина хвалилась своими новыми картинами. Они сидели рядом, теснота буквально вдавила их друг к другу. На той тёмной, прокуренной кухне Гаэлю впервые показалось, что она обращается к нему, хотя говорила она, как всегда, всем сразу, переводя взгляд с одного на другого. Они сидели рядом, и он прикасался к ней, чувствовал запах её духов, её тела.

Он прикуривал ей сигареты, стараясь опередить тянувшиеся руки. Казалось, его жизнь зависит от этого...

Кристина была так близко, Гаэлю нестерпимо, как в лихорадке захотелось обнять её, прижать к себе. Казалось, она испытывает то же самое.

Табачный дым заползает в глаза, во рту сладковатый привкус алкоголя, рядом раскрасневшаяся от духоты, живая, пульсирующая Кристина, так близко, что можно разглядеть поры на её лице.

Она резким движением встала и ушла, а, когда вернулась, села на другое место.

Он напился в тот вечер, спорил до крика с Тьерри на балконе, вливая в себя виски, глотая прямо из горла. Вскоре он стал жалеть себя и медленно сполз по стене вниз, шёпотом повторяя какую-то глупость, кажется, про то, что ему скучно.

В комнате танцевали, и его поманила к себе Элен. Вся в блестках, такая же живая, пульсирующая, горячая.

Гаэлю теперь казалось, что все девушки такие, все одинаковые. Мир вокруг стал податливым и гибким. Элен – это Кристина, просто немного другое лицо и чуть лучше фигура.

Они стали целоваться, и Тьерри откуда-то из тёмного, дымного пространства спросил: «Теперь тебе не скучно?»

Гаэль криво, пьяно ухмыльнулся в ответ.

Час спустя, когда он вышел из спальни, Кристина стояла в дверях в его пальто. Оказалось, она выходила на улицу и накинула на плечи первое попавшееся. Кто-то даже сфотографировал её на лестнице. Лица почти не видно, волосы растрёпаны, Кристина прячется рукой от объектива, на её плечах не по размеру большое, *его* пальто. Это была их единственная общая фотография...

Остановки очень долгие, дождь за окном усиливается. На улице Пас в трамвай заходит Кристина. Гаэль с безразличным видом отворачивается к окну. Кажется, Кристина его не заметила...

Она снова ворвалась в его жизнь! Без предупреждения и предварительного звонка. Снова лишь тогда, когда захотелось ей. Каждая их встреча была случайной, любое её появление неожиданным. Она держала его на поводке настолько коротком, что он задыхался при беге, срываясь на хрип.

Так всё было бы просто: он её любит, она его нет. И хватит об этом. Но нет: сколько раз он случайно встречал её на улице, видел в гостях у тех, у кого она не могла быть, наткнулся в дверях, сидел рядом в кафе, провожал издалека на площади. Ответ прост, Гаэль, и ты его знаешь...

Она ничего о тебе не подозревает, даже, наверное, не помнит о твоём существовании. Это ты ищешь её в любом городе, в котором бываешь, ты целыми днями шляешься по улицам в её поисках, следишь за ней, стоишь под дождём около её дома, сливаясь с окружающим пейзажем.

Страшно признаваться в таком, но и это не всё. Как, вы ещё не поняли?

Не было никакой Тамборрады. Вернее, была, всем сказали взяться за руки, и он, давась от позора, держал за руку маленького Тьерри, а она шла впереди, в нескольких шагах от него.

На записке было не К, а Р, а он, как дурак, две недели боялся её раскрыть. Верхняя дуга на букве стёрлась. Помада, что с неё взять?

И в парке была не она, просто показалось. Гаэль разорвал рубашку, рыская в темноте по кустам.

Да и на том памятном вечере у Тьерри, она сидела рядом, но даже ни разу не посмотрела ему в глаза.

Гаэль поморщился от боли. Он так глубоко запрятал это чувство в себе, так легко было поверить в другую правду, лепить её словно из пластилина, перебирать её руками.

Это как писать рассказ. Гаэль-автор, Гаэль-хозяин сюжета...

Кристина сидит впереди, через место от него.

На пересечении улиц Ла-Консепсьон и Онче пассажир между ними выходит в ритмичную духоту города. Она поворачивает голову вслед за пассажиром, смотрит, как тот неуклюже

спускается по ступенькам. Она замечает Гаэля, узнаёт? Узнаёт... Гаэль это понимает, потому что Кристина улыбается. Кристина улыбается ему.

Борисоглеб

Глава 1. Вход в монастырь

Сначала был поезд (стандарт плюс от РЖД, с чашкой капучино чувствуешь себя почти как в Европе), потом кое-что попроще – привокзальное такси со старомодным счётчиком из советских фильмов. А чуть позже в машине – Гулина борьба с 3G и навигатором и глаза таксиста, когда она попросила остановить посреди трассы, справа и слева – сплошной лес.

Это ведь была её идея – подняться к монастырю по склону крутого холма.

И вот мы идём, я впереди, Гуля отстаёт, путается в ветках, спотыкается о корни. Её видно издалека даже в лесном полусвете. Идеальная обложка для журнала о путешествиях.

Жёлтая ветровка, грубый шерстяной свитер под горло, походный рюкзак. Я – как всегда: не к месту и не по погоде, в пальто и тёплой рубашке, поднимаю воротник, зябну.

Гулино белое лицо отсвечивает, раздваивается при движении. Длинные волосы цвета вороного крыла с оттенками синего аккуратно расчёсаны на прямой пробор.

Моя Гуля, *моя татарка...*

– Почему же всё-таки Борис и Глеб? – бормочу себе под нос. Гуля догоняет широкими шагами.

– Что? Что ты там шепчешь?

– Я говорю, это уже четвёртый монастырь, храм или собор Бориса и Глеба, который встретился нам по пути.

– Да? Я даже не заметила! Ну и что? – Гуля щурится от блика солнца, – ты что-то имеешь против этих ребят?

– Боже упаси! Просто интересно, откуда такой культ? Вроде есть даже город, названный в их честь.

– Ну...люди любят мучеников, разве нет? – Гуля по-детски развела руками.

– Никакие они не мученики. Стали святыми, потому что их убили. Ну хорошо, они помолились перед тем, как их убили.

– Я уверена, у католиков тоже полно таких примеров. – Подпрыгивая на одной ноге, Гуля пыталась удержать равновесие, преодолевая кучу бурелома.

Мы шли некоторое время молча...

– Нет, понятно, что всем нравятся страшилки. Разрывание львами, кипящее масло, медный ящик, стрелы на святом Себастьяне. Но Борис и Глеб – это совсем другое. Обычные феодальные разборки. Средневековый передел власти.

– Уф, я устала! Давай передохнём...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.